

УДК 821.161.1-94

В.А. Мазурина

ЖАНР МЕМУАРОВ В ЛИТЕРАТУРЕ ПЕРВОЙ ВОЛНЫ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ

Основой культуры является память. Мемуаристика – овеществленная историческая память, одно из средств духовной преемственности поколений и один из показателей уровня цивилизованности общества, его сознательного отношения к своему прошлому, а, следовательно, и к своему бытию вообще.

Мемуары – источник воссоздания отображенной в них эпохи, носители информации о событиях, нравах, умонастроениях, поступках людей прошлого.

Причины написания мемуаров могут быть разнообразными: желание самооправдаться перед людьми, свести счеты, утвердиться в своей роли в обществе, стремление личности запечатлеть опыт своего участия в истории...

Причиной, побудившей русских эмигрантов обратиться к жанру мемуаров, стала Россия, которая вырастила и взлелеяла их, а потом изгнала.

Об утерянной России с грустью и нежностью писали В. Ходасевич, З. Гиппиус, И. Одоевцева, Г. Иванов, Н. Берберова, М. Цветаева, З. Шаховская и др. Все они, думая, что та Россия, которую они любили, умирает, хотели оставить потомкам память о родных и знакомых образах, лицах, событиях...

Началом зарубежных литературных мемуаров считают 1921 год. В августе этого года не стало А. Блока и Н. Гумилева, и многие эмигранты, лично знавшие поэтов, написали о них воспоминания. Но первым мемуаристом можно считать Г. Иванова, который в 1924 году опубликовал серию газетных очерков «Китайские тени».

С самых первых очерков определился их замысел: быт литературного Петербурга последних десяти-двенадцати лет (примерно 1910 – 1922 гг.) Главный герой очерков – Петербург и его атмосфера, превращение Петербурга в Петроград. Из этих очерков Г. Иванов позже и составил свои «Петербургские зимы» (1928 г.), где биллетризация преобладает над достоверностью. Автор заботится лишь о художественном впечатлении, которое должны произвести очерки на читателя, совершенно не принимая во внимание то, что герои его – люди вполне реальные и живущие в то время, когда очерки появились на страницах эмигрантской прессы.

Всерьез полемизировали с Г. Ивановым А. Ахматова, М. Цветаева, И. Северянин, не признавая права писателя на то, чтобы судить их современников таким образом, как он это делает. И дело скорее не в том, что оказываются искаженными те или иные факты из жизни писателей, поэтов, художников, артистов, о которых Г. Иванов пишет в своих мемуарах, а в той позиции, которую занимает автор.

«Петербургские зимы» рисуют картины распадающегося мира: в божественном происхождении героев очерков и в разговорах с теми, к кому автор

относится с большим уважением (Ахматовой, Гумилевым, Блоком, Мандельштамом) и с кем найти общий язык для него явно невозможно (Городецким, Нарбутом, Тыняновым).

В очерках все названы реальными именами, или, в лучшем случае, начальными буквами фамилий. Именно это не дает возможности отделить вымысел от действительности, воображение автора от реальных событий, происходивших в «Бродячей собаке» или на поэтическом вечере футуристов. Поэтому подходить к «Петербургским зимам» с обычными мерками жанра мемуаров невозможно (достоверность, историчность, ретроспективность частично отсутствуют).

Особенно оригинальной, подлинной, блестяще воспроизведенной в очерках является атмосфера – незримая канва эпохи. Г. Иванова привлекает лик времени, его индивидуальность, его особенный свет, «дух мелочей», которыми «дышало целое поколение деятелей русского искусства» [3, с.25].

Одну из первых, если не самую первую зарубежную книгу литературно-мемуарного жанра написала З. Гиппиус. «Живые лица» стали своеобразным психологическим этюдом о последних годах русской монархии и книгой воспоминаний о Блоке, Брюсове, Сологубе, Розанове, о литераторах старшего поколения.

В мемуарах Гиппиус много исторических деталей, фактов из быта русской интеллигенции начала века. В предисловии к очерку о Брюсове, она отмечает: «Нет на свете ничего интереснее «человека». Настоящего, живого человека... Я не истолковываю «человека». Я рассказываю о нем подлинном, настоящем, каким он прошел перед моими глазами, – или даже мелькнул, – и каким он мне показался» [1, с. 37].

Рисуя облик своих героев, Гиппиус использует развернутые портретные описания, стараясь проникнуть во «внутреннее» через «внешнее». Детально описывая лицо «некрасивого Блока», отмечает, какое это «интересное лицо». Рисуя «скромного, приветливого, вежливого юношу» Брюсова, детально описывает его одежду, глаза, «наполеоновскую позу», «гибкую фигуру», его речь и даже молчание. И все эти описания подчинены главной цели – показать именно «человека».

Рецензируя эту книгу в одном из крупнейших эмигрантских журналов «Современные записки», В. Ходасевич писал: «В своих описаниях З. Гиппиус отнюдь не гонится за беспристрастием и бесстрастием. Она, видимо, и сама хочет быть мемуаристом, а не историком; свидетелем, а не судьей. Она наблюдает зорко, но со своей точки зрения, не скрывая своих симпатий и антипатий, не затушевывая своей заинтересованности в той или иной оценке людей или событий. Поэтому сквозь как будто небрежный, капризный говорок ее повествования читатель все время чувствует очень ясно, что ее отношение к изображаемому как было, так и осталось не только созерцательно, но и действительно – и даже гораздо более действительно, чем созерцательно» [4, с. 92].

Именно после «Живых лиц» словно открылся шлюз – пошел поток воспоминаний о минувшем серебряном веке.

Заметным явлением в литературе русского зарубежья стали мемуарные воспоминания «Портреты современников» и «На Парнасе серебряного века» С. Маковского. Эпоха начала XX века, ее настроения, портреты деятелей русской культуры нашли отражение в книгах И. Одоевцевой «На берегах Невы» и «На берегах Сены». Яркой книгой воспоминания стала книга Н. Берберовой «Курсив мой». О московских религиозно-философских и литературных кружках и собраниях начала XX века написал Н. Арсеньев, о «Пятницах Полонского» и «Пятницах Случевского» рассказал В. Бярятинский, о деятельности книгоиздательств «Скорпион» и «Весы» – Б. Погорелова и т.д.

Авторами воспоминания стали не только писатели и поэты, но и художники (Ю. Анненков, В. Неведомская, М. Добужинский, С. Виноградов), музыканты (А. Лурье, А. Шайкевич, В. Пастухов, Л. Сабанеев), критики (Д. Святополк-Мирский, К. Мочульский), люди, связанные родством с поэтами серебряного века (Б. Погорелова, Е. Герцык, Л. Рындина), историк М. Карпович, философ Ф. Степун, религиозный мыслитель Н. Арсеньев и многие другие.

Большинство из этих мемуаров написано в жанре портретного очерка, в котором всегда есть автобиографический элемент. Этот автобиографический элемент представляет интерес, так как мемуарные очерки во многих случаях написаны большими мастерами о мастерах: Зайцевым о Бунине, Адамовичем об Алданове, Цветаевой о Бальмонте и Тэффи и т.д.

Авторы очерков, считая свою эпоху уникальной и неповторимой, стремились сохранить для будущих поколений портреты их современников. Одни в портретном живописании своих современников предпочтение отдавали описанию внешности и творчеству, другие пытались сравнить выдающихся деятелей, третьи рисовали психологические портреты, пытаясь разобраться во внутреннем мире своих современников.

Так была создана портретная галерея выдающихся русских литераторов, наделенных уникальным талантом. В галерее есть залы Бунина, Бальмонта, Гиппиус, Мережковского, Газданова. Есть и коллективные портреты, в которых мелькают знакомые лица, но индивидуальный портрет во всем этом замечательном собрании явно преобладает.

Об одних писателях (Газданове, например) современники оставили лишь скудные воспоминания; о других (Бунине, Шмелеве, Цветаевой, Гиппиус) мемуаристы написали целые книги. Есть категория писателей (Бальмонт, Поплавский), о которых книги не были написаны, но число мемуарных заметок о них таково, что, собранные вместе, они могли бы составить книги воспоминания.

Нельзя утверждать, что воспоминания достоверны до мелочей. Как отмечала Ш. Шаховская: «Память не фотографический аппарат, воспоминание не снимок, который для всех и для каждого одинаково восстанавливает

кажущуюся реальность событий и лиц. Память нечто очень личное и субъективное. Она пишется зрением и слухом того, кто видит и кто слышит не только слово. Память не чужда творчеству. Она может украсить или очернить прошлое, часто произвольно, как присуще всякому искусству. И еще случается, что память становится, наоборот, послушна воле того, кто ею пользуется для того, чтобы преувеличить свое значение и связь с эти прошлым. Вот оттого мемуары об одних и тех же людях, об одних и тех же событиях так разнообразны и часто противоречивы [4, с. 116].

Наиболее объективным свидетельством русской литературной жизни начала века, на наш взгляд, являются мемуары В. Ходасевича. Сам писатель в своем очерке об А. Белом писал: «Я долгом своим (не легким) считаю – исключить из рассказа лицемерие мысли и боязнь слова. Не должно ждать от меня изображения иконописного, хрестоматийного. Такие изображения вредны для истории. Я уверен, что они и безнравственны, потому что только правдивое и целостное изображение замечательного человека способно открыть то лучшее, что в нем было. Истина не может быть низкой, потому что нет ничего выше истины. Надо учиться чтить и любить замечательного человека со всеми его слабостями и порой даже за самые эти слабости. Такой человек не нуждается в прикрасах. Он от нас требует гораздо более трудного – полноты понимания» [4, с.295].

Рисую внешний облик своих героев, Ходасевич почти никогда не дает развернутых портретных описаний. По его мнению, «так называемая наружность, все то, что в человеческом облике подвержено обработке при помощи парикмахера и портного, – мало сказать: обманчиво» [4 с.374].

Поэтому писатель в своих очерках стремится проникнуть во внутренний мир героя, в потаенные уголки его души. Пытаясь проникнуть, например, во внутренний мир А. Белого, Ходасевич пишет: «Раздираемый», по его собственному выражению, между родителями, Белый по всякому поводу переживал относительную правоту и неправоту каждого из них. Всякое явление оказывалось двусмысленно, раскрывалось двусторонне, двузначе...Он полюбил совместимость несовместимого, трагизм и сложность внутренних противоречий, правду в неправде, может быть – добро в зле и зло в добре» [4, с.297].

Иногда, чтобы передать душевное состояние героя, Ходасевич фиксирует какую-то особо заметную деталь, которая часто упоминается. Особенно если речь идет о переменах во внутреннем мире. Описывая хорошенького мальчика А. Белого, Ходасевич обратил внимание на его «синие глаза». Встретив поэта через много лет, он заметил, что «глаза, ставшие из синих бледно-голубыми, то бегали, то останавливались в каком-то ужасе». А позже, когда писатели встретились под Берлином, Ходасевич увидел, что глаза Белого «стали почти что белыми» [4, с. 303]. Так через описание глаз мемуарист констатирует беззаботное детство, затем неудачные попытки найти себя в жизни, и в конце – невозможность для Белого жить и творить вне России.

Переживания А. Белого за судьбу России Ходасевич показывает через описание того, как Белый танцевал: «Не в том дело, что танцевал он плохо, а в том, что он танцевал страшно. Танец в его исполнении превращался в чудовищную мелодраму, порой даже непристойную... Он плясал, выплясывая свое несчастье» [4, с. 307].

Личность творца занимает Ходасевича не меньше, чем самое творение. Жизнь писателя и его творчество он анализирует слитно – следит, как реалии перетекают из одной в другую, как они переплетаются, изменяются и приобретают новое качество. В воспоминаниях об Анненском он пишет: «У Анненского был порок сердца. Он знал, что смерть может настичь его в любую секунду. Когда читаешь его стихи, то словно чувствуешь, как человек прислушивается к ритму своего сердца: не рванулось бы сразу, не сорвалось бы» [4, с. 452].

Поведение героев Ходасевича, их незначительные на первый взгляд поступки, все совершаемые действия имеют целью еще раз подчеркнуть ту или иную черту характера, открыть новую и дать толчок для ее дальнейшего проявления. Очень хорошо можно это наблюдать в воспоминаниях о Горьком, где Ходасевич представляет писателя как человека необыкновенно доброго, трудолюбивого, с сильной волей и необыкновенной любовью к людям. Мы видим, как Горький проводит день, как разговаривает с посетителями, как отвечает на письма, как слушает произведения молодых писателей. И в этом поведении Ходасевич стремится распознать неповторимо-индивидуальные душевные движения: «Горький считал своим долгом не только поддерживать в людях возвышенное представление о них самих, но и внушать им, по мере возможности, такое представление» [4, с. 370].

Одной из характерных черт портретных очерков Ходасевича является использование им приема сравнения или противопоставления персонажей друг другу. Так сравнивая Гумилева с Блоком, Анненского с героем рассказа Л.Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича», Ходасевич дает возможность читателю лучше понять замечательных людей эпохи и саму эпоху.

Как справедливо отмечает исследователь Б. Евсеев: «Мемуары – чтение грустное. Если, конечно, они без вранья и мастерски написаны. Но именно элегической грусти, рождаемой скупым и точным словом, нам сейчас не хватает. Все у нас есть: бойкие стишки, компьютерная проза, кинозарисовки в журналах, быстрое чтение... А вот грустного чтения – почти нет. И тут очень к месту – мемуарные повести, портреты и воспоминания писателей первой волны эмиграции. Эти вещи грустные, потому что мудры.

Мемуары – окно в прошлое, и порой среди них встречаются такие, которые открывают форточку в этом окне, и мы словно вдыхаем озон отдаленных дней» [2, с. 10].

Литература

1. Гиппиус З. Н. Живые лица / Гиппиус З.Н. – Тбилиси: Мерани, 1991

2. Евсеев Б. Вторые и первые или из небытия – к вечному // Книжное обозрение. – 2000. - № 9. – С. 9 –12
3. Иванов Г. Мемуары и рассказы / Иванов Г. – М.: Прогресс-литература, 1992
4. Ходасевич В.Ф. Колеблемый треножник / Ходасевич В.Ф. – М.: Сов. писатель, 1998

Анотація

В статті йдеться про причини появи жанру мемуарів в літературі першої хвилі еміграції, оглянуто більш значущі мемуари для розуміння літератури російського зарубіжжя, акцент зроблено на спогадах В. Ходасевича.

Ключові слова: література російського зарубіжжя, перша хвиля еміграції, жанр мемуарів.

Аннотация

В статье обосновывается появление жанра мемуаров в литературе первой волны русской эмиграции, делается обзор наиболее значимых мемуаров для понимания литературы русского зарубежья, акцентируется внимание на мемуарах В. Ходасевича.

Ключевые слова: литература русского зарубежья, первая волна эмиграции, жанр мемуаров.

Summary

The article is based on the memoir genre in the literature of the first wave of Russian emigration, reviews the most important memoir for understanding literature of the Russian diaspora, the attention is focused on V. Khodasevich's memoirs.

Keywords: literature of the Russian diaspora, the first wave of emigration, the genre of memoirs